КУМЫКСКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ИРАНСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА НА КАВКАЗЕ В 50-Х гг. XVII в.

Рассмотрены кумыкские феодальные владения в русско-иранских отношениях в 50-х гг. XVII в., охарактеризованы методы проведения политики сопредельных великих держав в регионе— шахского Ирана и царской России, рост пророссийской внешнеполитической ориентации кумыкских владетелей, определены основные результаты, обусловившие их значимость для отечественной науки.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, Иран, Россия, кумыкские владения, политика, Сунженский городок, конфликт.

M.-P. Abdusalamov

Kumyk Fiefdoms in the Context of Russian-Iranian Confrontation in the Caucasus in the 1650s

The Kumyk fiefdoms in Russian-Iranian relations in the 1650s are described as well as the methods of conducting the policy of the neighboring great powers in the region, Iran and tsarist Russia, the growth of a Pro-Russian foreign policy orientation Kumyk rulers; the main results are defined.

Keywords: North-East Caucasus, Iran, Russia, Kumyk properties, politics, Sunzhenskiy town, conflict.

Во второй половине XVII в. положение на Северном Кавказе еще более осложнилось вследствие завоевательной активности, которую начали проявлять персидские шахи. Непрерывные междоусобицы в шамхальстве Тарковском, в которые были вовлечены кумыкские феодальные владетели, облегчали иранским шахам осуществление их агрессивных планов в отношении Дагестана и Северного Кавказа [13, с. 52].

Кумыкские феодальные владения — шамхальство Тарковское, Эндиреевское, Бойнакское, Бамматулинское, Эрпелинское и др., благодаря своему выгодному стратегическому положению играли важную роль в русскоиранских отношениях в рассматриваемый период, так как через их территорию пролегал значительный отрезок транскавказского Прикаспийского пути. В силу этого, кумыкские владения оказались в сфере интересов Ирана, Турции и России, которые вели здесь активную наступательную политику [2, с. 3–4].

Говоря о взаимоотношениях между Сефевидским Ираном и царской Россией во второй половине XVII в., необходимо отметить, что они базировались на политическом интересе и взаимных экономических связях. Однако вопрос, какому государству принадлежит территория Дагестана, в частности Кумыкия, создавал напряженность в русско-иранских отношениях.

К середине XVII в. вдоль сефевидо-русской границы со стороны России был сооружен ряд крепостей стратегического значения. Это было неприемлемо, так как облегчало связь Грузии с Россией, которые совместно могли бы выступить против Сефевидов.

По мере обострения международных отношений вокруг Кавказа политическое значение дорожных магистралей, проходивших через территорию Кумыкии, постоянно возрастало. Поэтому Россия предпринимает все меры, чтобы установить свой контроль над северокавказскими торговыми путями, чего окончательно она достигает лишь ко второй половине XVII в. Важную роль в этом сыграла система военных крепостей России на Северо-Восточном Кавказе (в первую очередь, — Терский городок в устье Терека), а также активная деятельность терско-гребенского казачества [3, с. 244—245].

В начале 1651 г. русское правительство возобновило Сунженский острог в районе слияния Сунжи и Терека и расставило в междуречье казачьи городки таким образом, чтобы поставить под контроль терских воевод торговые пути, броды и переправы, по которым осуществлялись экономические и политические связи Ирана, Дагестана, Чечни с Кабардой, Черкесией, Крымом и турецкими крепостями на черноморском побережье. Интересы иранского и горского купечества были серьезно затронуты этим обстоятельством, недовольны были и государственные круги Сефевидской державы, опасавшиеся укрепления позиций России на Кавказе [4, с. 307-308].

Постройка Сунженского острога вызвала недовольство и шемахинского хана Хосрова, который тотчас же выразил Москве протест. С жалобой на терских воевод обратился также к царю и шамхал Тарковский Сурхай [9, с. 157]. В октябре 1650 г. в своем письме астраханскому воеводе князю Г. Черкасскому шамхал Сурхай писал: «В Терском городе несколько недобрых воевод перебывало... узденей наших ... людей бежали в Терской город, и они их крестили, нам не отдали. И караван наш терские казаки погромили, у моево человека 100 тюменов живота взяли и донским казакам продали, мы у них выкупили, многие животы у нас погромили и поимали, и меж нами шерть была издавна терским воеводам говорили, шерть нарушили, а шерть была наша московских русских людей нам у себя неволею не держать и иных наших холопей не принимать и не держать. ...Великому государю служу, а отлучили вдаль нас кумычен терские воеводы. ...А терские воеводы нашего челобитья государю не доносят и грабежного взятого живота моего и узденских холопей не отдают, дружбы не чинят, и листов наших великому государю не доносят» [12, с. 180–181].

Тем временем, шах Аббас II, собрав крупные воинские силы, решил выступить против Терского городка, затем идти на Астрахань. Задуманному плану шаха способствовала сложившаяся международная обстановка. В это время стало известно, что крымский хан, «собрався со многою крымскою ратью, в Азов пришли, про Терек и про Астрахань говорят» [12, с. 15].

Усилению агрессивных устремлений шаха Аббаса II в этот период способствовало и взятие в 1649 г. его войсками Кандагара, отторгнутого от Ирана Великим Моголом шахом Джеханом в год вступления Аббаса II на престол [14, с. 184].

В 1651-1653 гг. кумыкские феодальные владетели при поддержке шаха Аббаса II и с привлечением персидских военных сил во главе с Хосров-ханом шемахинским провели два похода на Сунженский острог и на владения вассала Москвы на Тереке — князя Муцала Черкасского. Помимо уничтожения русской крепости на Сунже, ирано-шамхальские войска ставили целью вывести во владения Эндиреевского княжества брагунцев, пользовавшихся русским покровительством. Осенью 1651 г. объединенные силы шамхала Сурхая Тарковского, Казаналипа Эндиреевского и уцмия Кайтагского Амирхан-Султана с присланными им на помощь 700 персами двинулись на Сунжу. В составе феодального ополчения были и представители чеченских обществ — мичкизяне и шибутяне [4, с. 308]. «Кумыцкие люди приходили сперва на князь Муцала Черкасского, и с ним бой был» [12, с. 182]. При этом они

разграбили кабардинские кабаки (селения) [5, с. 84–85].

Между тем к Сунженскому острогу из Терков спешно отправился на помощь защитникам кабардинский князь Муцал Черкасский со своими людьми и казаками. В ноябре 1651 г. кабардинский владетель Касбулат Муцалович Черкасский вместе со своим братом Кантемиром в составе отряда из кабардинцев, ногайцев, казаков, вайнахов (чеченцев и ингушей) под командованием Муцала Черкасского более недели держали оборону Сунженского острога, отбив нападение шахских и шамхальских войск. Нападавшим не удалось взять острог штурмом, затем противник был вынужден отступить «за Сунжу-реку без боя» [9, с. 159]. Так, в отписке астраханских служилых людей в Посольский приказ от 24 ноября 1651 г. говорилось: «... кумыцкие люди тарковской Суркай-шевкал и ондреевской Казаналпмурза и кайдатцкой Амирхан с ратными своими с кумыцкими и с кизылбашскими людьми от Суншинского городка пошли прочь... тарковской шевкал и кайдатцкой Амирхан пошли в Кумыки к Таркам, а ондреевской де Казаналп пошел в Ондрееву деревню» [12, с. 182]. Однако в ходе похода нападавшие нанесли значительный урон царским владениям и «кабакам» Муцала Черкасского, захватили большое количество пленных, более 3000 лошадей, 500 верблюдов, около 10000 голов крупного рогатого скота и 15000 овец [11, ф. 77, оп. 1, д. 1, л. 624].

Князь Муцал Черкасский в челобитной к царю Алексею Михайловичу от 1651 г. о нападении кумыкских и персидских войск на Сунженский городок писал, что, хотя нападавшие «... многих людей побили и узденей моих многих переранили и конские и животные всякие стада и верблюды взяли, и в полон улусных моих людей жен и детей и ясырь их поимали». Но при этом он «государева Суншинского стоялого острога разорить не дал», «государевым счастьем Суншинский острог о тех кумыцких и кизылбашских ратных людей отстояли» [12,

с. 185-187]. Поэтому говорить о большом успехе похода на Сунженский городок не приходится. Результаты похода для шаха Аббаса II сводились фактически к нулю. Несомненный интерес представляет выяснение причин участия кумыкских феодальных владетелей в этом походе, так как его участником оказался даже за год до этого присягавший царю Алексею Михайловичу Казаналип Эндиреевский, не говоря о других владетелях [15, с. 255]. Кайтагский уцмий Амирхан-Султан своим приходом к власти в 1645 г. был обязан шаху Аббасу II, поддержавшему его притязания на уцмийскую власть. В данном случае он выполнял обязательство, принятое им еще в 1645 г., поступать так, «как шах укажет ему» [12, с. 169].

Шамхал Сурхай Тарковский также во многом был обязан шаху своим приходом к власти. Стараясь доказать свою признательность Аббасу II, Сурхай отправил ему даже знамя, захваченное у царских войск во время их последнего похода под Тарки. Но в ходе же похода на Терек сказалась двойственность положения Сурхая Тарковского, его одновременная зависимость от шаха и царя [14, с. 186].

Поэтому он и примкнул к шахским войскам, хотя он, как позже писал царю, удар своих отрядов направил не против русских, а против своих старых соперников «барагунцев», мешавших сношениям его людей с Кабардой.

Таким образом, шамхал Сурхай славировал, в какой-то мере удовлетворил обе стороны: он не отказал шаху Аббасу II, так как на это не мог решиться, в то же время он не выступил и прямо против России, рискуя потерять жалованье царя, его поддержку и торговые привилегии в Русском государстве, дававшие ему немалую прибыль. Учет сложности политической обстановки на Северном Кавказе показывает, что участие шамхала Сурхая в походе 1652 г. было вынужденным и преследовало не столько антироссийские цели, сколько стремление показать шаху свою благодарность за помощь в борьбе за

власть и наказать брагунцев, совершавших набеги на его торговых людей. Эти обстоятельства позволили Сурхаю сразу после окончания похода обратиться к астраханским и терским воеводам с оправдательным письмом, добиться прощения царя и уже в 1655 г. выступать даже посредником в приведении казанищенского владетеля Будая в подданство России [1, с. 9–10].

Казаналипа Эндиреевского приход в Эндирей шахских войск, шедших под Сунженский городок, поставил перед выбором: либо вступить с ними в бой за интересы царя, либо примкнуть к ним. Для первого у него не хватало сил. В августе 1653 г. Казаналип Эндиреевский в своей грамоте царю Алексею Михайловичу писал о причинах его нападения на Сунженский городок: «...великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси и многих государств государю... служить хотим. ...А шах меня в холопство призывает, и я у него не хочю в холопстве быть, потому что я холоп ваш, великого государя. ... А Сунчалеев сын Муцал меня от Вас, государя, отгоняет... И приехав к барагунцам, Муцал... приманив брата моего Алибека сковав, в его место 4 сына у меня в оманаты взял. ... И по его присылке Чебан-мурза отогнал у меня 3000 овец. ...Да по Муцалову веленью убили моих 2 человеков Курдюково городке и взяли товару 3 вьюка. ... От Муцаловы ссоры барагунцы у меня пропали и от вас великого государя отошли. ... а я вашего указу слушать рад вседушно, а служу и Казаналп вам, великому государю, 20000-ю ратными своими людьми...» [12, с. 192–193].

Таким образом, Казаналип эндиреевский вынужден был присоединиться к отрядам иранских войск, поскольку он не мог противостоять им в одиночку. Он также не питал антироссийских настроений, направил удар своего отряда против Муцала Черкасского, угнавшего до этого много его овец, 20 верблюдов и т. д.

Царь Алексей Михайлович положительно отнесся к его просьбе «правого оправдать,

а виноватого обвинить», а его самого попрежнему считать «прямым вечным холопом», не лишать царского жалованья и не отдавать во власть иранского шаха. В знак прощения Алексей Михайлович послал Казаналипу Эндиреевскому «жалованье, шубу и шапку» [14, с. 187–188].

Этот поход не дал положительных для шаха Аббаса II результатов, не привел к упрочению его влияния в Притеречье, а лишь обострил политическую ситуацию, встревожив царское правительство, начавшее предпринимать меры по усилению своих позиций на Тереке [1, с. 10]. Однако шах Аббас II не отказался от планов покорения Северо-Восточного Кавказа. С этой целью в Дербент собрались «8 ханов с кызылбашскими ратными людьми для нападения на русские крепости» [8, с. 324].

Весной 1653 г. 20-тысячное горское войско, в составе которого было и несколько тысяч персов с артиллерией, переправилось через Сунжу и в результате ожесточенной осады вынудило русский гарнизон покинуть острог. Укрепления были разрушены, а аул Брагуны, располагавшийся близ отрога, переведен во владения Казаналипа Эндиреевского. В планы персов и их союзников входило также взятие Терского городка и полная ликвидация русских укреплений на Тереке [4, с. 308].

Русско-иранский конфликт на Тереке и Сунже мог легко перерасти в войну. Царь Алексей Михайлович потребовал объяснений, угрожая превентивными мерами. Однако царскому правительству нежелательно было раздувать конфликт. Ни Сефевидский Иран, ни Россия не испытывали желания повести дело к серьезному столкновению. Шахский Иран в это время имел проблемы с Афганистаном и Индией, а Россия, в связи с Украиной, — с Польшей и Крымским ханством [9, с. 159]. В 1653 г. был отправлен в Исфахан посол И. Лобанов-Ростовский, который передал шахскому двору, что царское величество не чает... что то учинено с позволения... шаха и просит сместить

Хосров-хана с Шемахинского владения, казнить его за «такие злые дела», а также наказать других виновников, чтобы на обе стороны торговым людям «путь был чист, торговля была по прежнему» [6, с. 27]. Кроме того, И. Лобанов-Ростовский от имени царя просил приказать будущим шемахинским ханам не вмешиваться в кумыкские дела, так как шамхал Сурхай Тарковский и «все кумыцкие мурзы исстари в вечном холопстве у московских царей, а их братья и племянники до настоящего времени находятся на Терке в аманатах» [6, с. 27]. Посол просил также отпустить из Ирана всех задержанных там русских купцов. Относительно строительства русских городовкрепостей на Северо-Восточном Кавказе И. Лобанов-Ростовский говорил, что при Аббасе І русскому царю Михаилу Федоровичу предлагали поставить города на Сунже и в Терках и посадить там царских людей, чтобы между Россией и Ираном «ворам и ссорщикам места не было» [6, с. 28]. В ответ шахская сторона указала, что при Аббасе І разрешили поставить на р. Терек только один городок, а царские люди без разрешения построили целые города. Однако русские дипломаты отвергли это. «Земля, на которой построен город Терки и Сунжа, — возражали они, — принадлежит России. Еще шах Аббас Великий предлагал царю построить города на Койсу и в Терках, что невозможно было тогда осуществить, ввиду русско-польской войны. По окончании войны на Сунже был поставлен острог, чтоб на проезде царского величества и шахова величества всяким людям от воровских людей никакова дурна не было. Что касается ограбления каравана гребенскими казаками, об этом велось следствие, но ничего не нашлось, поэтому возвращать было нечего. Кроме того, караван сам виноват, так как он шел с царскими непослушниками с тарковскими кумыками и с другими воровскими людьми, не известив предварительно терских воевод, как полагалось раньше при отправлении шемахинским и дербентским ханом своих товаров в горы» [6, с. 28].

В общем, переговоры об урегулировании русско-иранского конфликта закончились без каких-либо положительных результатов. Что касается отпуска русских купцов, задержанных и ограбленных в Шемахе, Гиляне и других городах Ирана, то это было разрешено. Этот конфликт был самым напряженным моментом в русско-иранских отношениях XVII в., когда произошел полный разрыв дипломатических и торговых сношений между Ираном и Россией [10, с. 36].

Причину обострения отношений России с Ираном в это время Е. Зевакин видел в том, что столкнулись интересы двух держав в разделении сфер влияния на Северо-Восточном Кавказе. «Возник спор, — писал Е. Зевакин, — о том, кому принадлежит Дагестан, или, вернее, в чьей сфере он находится: и Россия и Персия предъявляли на него свои права. Если при Аббасе Великом, во время ослабления Персии, вследствие борьбы с Турцией, шах и предлагал царю построить города в Дагестане, то с момента усиления Персии (XVII в.) не могло быть и речи об уступке Дагестана в сферу русского влияния» [6, с. 31].

Безрезультатность похода 1651–1652 гг. не положила конец стремлению Аббаса II подчинить Дагестан. Он решил основать в Дагестане ряд крепостей, чтобы с помощью их гарнизонов подчинить горцев. Шах приказал дербентскому султану готовиться к походу для строительства крепостей у Тарков и у Соленого озера (Тузлук). В каждую крепость шах намечал поселить по 6 тыс. воинов. Сурхаю Тарковскому он приказал готовить телеги, людей и камень для этого строительства. После этого, шамхал Сурхай «призывал черных людей и против шахова указа им говорил», т. е. обсудил с ними создавшееся положение. Но «черные люди» отказались выполнить требование шаха о доставке каждым их двором к месту строительства по сотне телег камня. Не поддержал этот приказ шаха и Казаналип Эндиреевский, оставивший без ответа предложение Сурхая встретиться для переговоров по этому поводу.

В ответ на активизацию шахской политики в Дагестане кумыкские феодальные владетели стали искать покровительство и заступничество русского правительства. Шамхал Сурхай Тарковский, Казаналип Эндиреевский, Ахмедхан Дженгутаевский, Умархан Кафыркумухский, владетель Буйнака Будай-бек Багоматов присягнули в эти годы Москве, наладили с ней связи [1, с. 10].

Шах Аббас II не мог не знать обо всех этих фактах, потому что Прикаспийская трасса волжеко-каспийского пути шла через Дагестан, о положении в котором русские и персидские члены посольств и тезики (торговцы) собирали сведения и доставляли их своим правителям.

Аббас II понимал, что, присягнув России, кумыкские владетели подорвали его престиж. Недовольный этим персидский шах в конце 50-х гг. XVII в. сделал решительную попытку силой оружия покончить с независимостью народов Дагестана, что, в свою очередь, вызвало сильное недовольство особенно среди кумыков [14, с. 189]. В 1659—1660 гг. в Дагестане произошло мощное антииранское восстание, в котором приняли участие более 30 тыс. человек.

Основным очагом восстания был Кайтаг. «Владетель Кайтага и Улуг, сын Рустама прежнего уцмия... соединившись с группой злоумышленников из этого племени, совершили ряд проступков и действий, выходящих за пределы дозволенного» [14, с. 190]. Возмущенный этим шах Аббас II приказал начальнику своих войск, подготовленных в Карабахе для похода на Грузию, Аллавердихану выделить в распоряжение шемахинского хана Хаджи-Манучехр-хана 15 тыс. воинов со всем необходимым снаряжением. Хаджи-Манучехр-хан должен был с этим войском двинуться в Дагестан и ликвидировать «возмущение мятежников» [7, с. 399]. Одновременно шамхалу Сурхаю Тарковскому и другим дагестанским владетелям был послан указ, предписывавший им готовиться по прибытию Хаджи-Манучехр-хана с войсками «соединиться с ним и захватить этих злосчастных», т. е. повстанцев [14, с. 190].

Тем временем Хаджи-Манучехр-хан начал двигаться из Ширвана в направлении Дербента. С дороги и из Дербента он дважды посылал шамхалу Сурхаю приказы, требуя явиться к нему с войском. Но шамхал вел себя уклончиво: оставаясь в Тарках, он писал шаху Аббасу II, что на жителей Дагестана рассчитывать нечего, поэтому лучше склонить Улуга к миру и послушанию. Такое же письмо шамхал Сурхай направил и командующему карабахской армией, и тот даже стал склонять Аббаса II к переговорам [10, с. 37]. Вероятно, шамхал Сурхай пытался выиграть время, оттянуть поход шахских войск, обещая привести в покорность Улуга, поскольку известно, что дагестанские владетели, в том числе кумыкские, собирали в это время силы. Узнав об этих приготовлениях, Хаджи-Манучехр-хан с огромным войском и артиллерией двинулся из Дербента в сторону Кайтага.

И уцмий, и шамхал поняли, что войну предотвратить не удастся. Поэтому, чтобы как-то защитить свои земли от нашествия иранских захватчиков, «шамхал Сурхай и общество Дагестана построили на реке Багам (Уллучай — $M.-\Pi.$ A.) ...укрепления и укрытия... и ждали подхода Хаджи-Манучехр-хана» с войсками [14, с. 192]. Количество собравшихся дагестанцев («военачальники, прочие знатные и народ») доходило до 30 тыс. человек, вооруженных «колющим и стреляющим оружием». Среди руководителей восстания, кроме шамхала Сурхая Тарковского и Улуга, был также и Казаналип Эндиреевский. Все это позволяет говорить об общедагестанском и общенародном характере восстания [7, с. 400].

Несмотря на то, что горцами были сооружены «укрепления и укрытия» на берегу Уллучая, персы погрузили часть тюфенгчиев на корабли и скрытно переправили их в

тыл горцев, высадив «в тылу в горах, отрезав пути и дороги» [10, с. 38]. Начавшееся сражение было ожесточенным, соответственно потери с обеих сторон были значительными. В данном кровопролитном сражении персы одержали верх, видимо, за счет своей тактической уловки и технического превосходства: пушек и крупнокалиберных ружей у горцев не было. Уцелевшая часть горцев ушла в лес, где сопротивление продолжалось еще не менее трех-четырех дней [10, с. 38].

Тем не менее основным предводителям антииранского восстания — шамхалу Сурхаю Тарковскому, Казаналипу Эндиреевскому и Улугу — удалось избежать разгрома. Они, укрывшись «на неприступных вершинах гор», продолжали оказывать сопротивление персидским войскам. Цель похода захватчиками не была полностью достигнута [7, с. 400].

Когда шаху Аббасу II стало известно это, он издал «указ, согласно которому Сурхайхан шамхал, вышедший из повиновения, вместе с другими сообщниками и ближними должен был быть схвачен и Дагестан очищен от скверны их присутствия» [14, с. 194]. Всем участникам только что закончившегося похода был дан приказ вновь явиться к Хаджи-Манучехр-хану и двинуться вместе с ним против восставших горцев Дагестана [14, с. 194]. Понимая сложность создавшегося положения, шамхал Сурхай Тарковский вступил в переговоры с Хаджи-Манучехрханом, отправил своего сына Гюль-Мухаммедбека к шаху с раскаянием. Шах Аббас II выразил свое удовлетворение даже таким формальным выражением покорности шамхалом Сурхаем: одарил ценными подарками Гюль-Мухаммед-бека и сопровождавших его лиц, а шамхалу Сурхаю даровал «управление страной Дагестаном» [7, с. 400].

В итоге получился компромисс между Аббасом II и Сурхаем Тарковским, поскольку иранский шах не осмелился на более решительные меры, опасаясь осложнений. Да и шамхалу Сурхаю также не очень нужно было обострять отношения с шахом, по-

скольку горцы понесли в ходе восстания значительные потери [7, с. 400].

Однако подлинной покорности кумыкских владетелей Аббасу II не удалось добиться, хотя русских послов в Иране Ф. Нарбекова и В. Ушакова «шаховы ближние люди» старались убедить, что «кумыцкий Сурхай шевкал... и Будай буйнацкой и иные горские владетели у шаха в послушанье...» и что «в знак своей покорности кумыцкие владетели к шаху посылают по все годы в подарках ясырь..., птиц... и лошеди и золотые...» [11, ф. 77, оп. 1, д. 14, л. 523-524]. Убеждают в этом выраженная Сурхаем Тарковским в письме к турецкому султану готовность в случае помощи от него «идти войною до Испагани», а также сообщения кумыкских владетелей султану Турции о том, что они отбили атаки персидских войск, которые потеряли более 3 тыс. человек. Добиваясь помощи турецкого султана в борьбе против персидского шаха, они писали, что более не хотят «кизылбашам в подданстве быть, хотя шах лицемерием называет их друзьями, и жалованье им дает» [7, с. 400].

Во всем этом следует видеть ослабление позиций и влияния иранского шаха в Дагестане, несмотря на то, что в течение первой половины и в середине XVII в. иранские шахи активно вмешивались во внутридагестанские дела. После же восстания 1659-1660 гг. престиж шаха в Дагестане стал падать; кумыкские владетели стали посылать своих послов в Крым, а также к турецкому султану в поисках помощи от них против шаха, опасаясь нападения его войск. Усиление поиска кумыкскими владетелями покровительства России в этот период также свидетельствует о падении влияния шаха в Кумыкии, как и в Дагестане в целом. Кумыкские феодальные владетели все чаще стали ориентироваться на Россию [7, с. 400-401]. Так, в отписке терских воевод в Посольский приказ от 21 февраля (10 марта) о сношениях с Ахмед-ханом Дженгутаевским говорилось: «...кумыцкого жигутейского владельца крым-шевкала Махтеева сына

Ахматхана-мурзу признать, чтоб ему быть под нашею государскою высокою рукою... в прямом в вечном неотступном холопстве... Ахматхана, по записи на куране к шерти и взяли у него в оманаты сына ево прямова, Заузана-мурзу... и дав ему, Ахматхану, твое, великого государя, жалованье, платье и деньги...» [12, с. 196-200]. «Буйнацкой Будай мурза Бийбугаматов» в январе 1663 г. также ездил в Терский городок, где «учинился вновь в вечном неотступном холопстве царю» [11, ф. 77, оп. 1, д. 14, л. 393]. Шамхал Сурхай Тарковский в грамоте, отправленной в Москву с царским гонцом в Персию И. Хвостовым, в 1663 г. изъявил готовность и впредь служить царю, но при этом просил прекратить набеги казаков на его тезиков (торговых людей) [14, с. 196].

Таким образом, приведенный материал свидетельствует, что кумыкские феодальные

владения в силу выгодного географического положения в рассматриваемый период занимали важное место в русско-иранских отношениях. Кумыкские владетели проводили политику лавирования, ловко играя на русско-иранских противоречиях. Это помогало им избежать разорения и опустошения своих владений со стороны персидских войск. Неоднократные попытки сефевидских правителей подчинить своей власти Кумыкию были обречены на провал, потому что встретили отпор не только со стороны России, но и от самих народов Северного Кавказа, в том числе кумыков, заинтересованных в развитии торговли и в укреплении дружественных связей с Россией. Особенно стремились к этому кумыкские феодальные владетели, в своей внешней политике твердо придерживавшиеся пророссийской ориента-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Абдусаламов М.-П. Б.* Взаимоотношения кумыкских феодальных владетелей с Сефевидским Ираном в первой половине XVII в. //Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 10 (101). С. 3–12.
- 2. *Абдусаламов М.-П. Б.* Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: Народы Дагестана, 2008. 192 с.
- 3. Амирбекова Н. Ш. Сефевидо-российский конфликт 1653—1662 гг. // Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI первая половина XVII в.). Международная научно-практическая конференция, посвященная 460-летию Султан-Махмуда (18 ноября 2008 г.). Махачкала, 2010. С. 244—249.
- 4. *Ахмадов Я. 3.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Мир дому твоему, 2001. 426 с.
- 5. *Вилинбахов В. Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. 253 с.
- 6. Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII в. Баку: Изд-во Общества обследования и изучения Азербайджана, 1929. 31 с.
- 7. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. І: История Дагестана с древнейших времен до XX века / Отв. ред. А. И. Османов. М.: Наука, 2004. 627 с.
- 8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. акад. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. Т. І. 544 с.
- 9. *Кидирниязов Д. С.* Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI нач. XX в. Махачкала, 2008. 295 с.
- 10. Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Кн. II. 520 с.

- 11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 77. Сношения России с Персией. 1673 г.; 1662 г.
- 12. Русско-дагестанские отношения XVII первой четверти XVIII в.: Документы и материалы / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.
- 13. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. 244 с.
- 14. *Умаханов М.-С. К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Изд-во ДагФАН СССР, 1973. 250 с.
- 15. Умаханов М.-С. К. К вопросу об участии дагестанских феодальных владетелей в русскоиранском конфликте 1652 г. на Северном Кавказе // Россия и Дагестан: История многовековых взаимоотношений и единения: Мат-лы республиканской научной конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России. Махачкала, 2009. С. 253–257.

REFERENCES

- 1. *Abdusalamov M.-P. B.* Vzaimootnoshenija kumykskih feodal'nyh vladetelej s Sefevidskim Iranom v pervoj polovine XVII v. //Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 10 (101). S. 3–12.
- 2. *Abdusalamov M.-P. B.* Kumykskie feodal'nye vladenija v politicheskoj zhizni Dagestana v pervoj polovine XVIII veka. Mahachkala: Narody Dagestana, 2008. 192 s.
- 3. *Amirbekova N. Sh.* Sefevido-rossijskij konflikt 1653–1662 gg. // Endireevskij vladetel' Sultan Mahmud Tarkovskij v istorii rossijsko-kavkazskih vzaimootnoshenij (vtoraja polovina XVI pervaja polovina XVII v.). Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferentsija, posvjashchennaja 460-letiju Sultan Mahmuda (18 nojabrja 2008 g.). Mahachkala, 2010. S. 244–249.
- 4. *Ahmadov Ja. Z.* Istorija Chechni s drevnejshih vremen do kontsa XVIII v. M.: Izd-vo «Mir domu tvoemu», 2001. 426 s.
- 5. Vilinbahov V. B. Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva. Nal'chik: Tip. «El'brus», 1982. 253 s.
- 6. Zevakin E. S. Azerbajdzhan v nachale XVIII v. Baku: Izd-vo Obshchestva obsledovanija i izuchenija Azerbajdzhana, 1929. 31 s.
- 7. Istorija Dagestana s drevnejshih vremen do nashih dnej. T. I. Istorija Dagestana s drevnejshih vremen do XX veka / Otv. red. A. I. Osmanov. M.: Nauka, 2004. 627 s.
- 8. Istorija narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. akad. B. B. Piotrovskij. M.: Nauka, 1988. T. I. 544 s.
- 9. *Kidirnijazov D. S.* Vzaimootnoshenija nogajtsev s narodami Severo-Vostochnogo Kavkaza v XVI nach. XX v. Mahachkala, 2008. 295 s.
- 10. *Magomedov R. M.* Dargintsy v dagestanskom istoricheskom protsesse. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1999. Kn. II. 520 s.
- 11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 77. Snoshenija Rossii s Persiej. 1673 g.; 1662 g.
- 12. Russko-dagestanskie otnoshenija XVII pervoj chetverti XVIII v.: Dokumenty i materialy / Sost. R. G. Marshaev. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1958. 336 s.
- 13. Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX vv. M.: Sotsekgiz, 1958. 244 s.
- 14. *Umahanov M.-S. K.* Vzaimootnoshenija feodal'nyh vladenij i osvoboditel'naja bor'ba narodov Dagestana v XVII veke. Mahachkala: Izd-vo DagFAN SSSR, 1973. 250 s.
- 15. *Umahanov M.-S. K.* K voprosu ob uchastii dagestanskih feodal'nyh vladetelej v russko-iranskom konflikte 1652 g. na Severnom Kavkaze//Rossija i Dagestan: Istorija mnogovekovyh vzaimootnoshenij i edinenija: Materialy respublikanskoj nauchnoj konferentsii, posvjashchennoj okonchatel'nomu prisoedineniju Dagestana k Rossii. Mahachkala, 2009. S. 253–257.